

**От Ленина до нэпмана, от голода до яств:
нэповская Москва глазами Булгакова и Крлежи**

В данной статье Октябрьская революция рассматривается как основополагающий мифоконструкт советской (тоталитарной) мифологии, который — по словам Е. Мелетинского — должен был совершить символическую космоизацию дореволюционного Хаоса. Ведущую роль в этом процессе сыграла послеоктябрьская Москва. Теоретическую основу статьи составили труды Е. Мелетинского, Ж. Дерриды и М. Рыклина, посвященные советской Москве. М. Рыклин в книге «Коммунизм как религия. Интеллектуалы и Октябрьская революция» (2009) утверждает, что для многих европейских левых интеллектуалов послеоктябрьская Москва стала «новым Иерусалимом». Москву как новую Мекку воспринимали не только европейские левые интеллектуалы, но и большая часть русской интеллигенции, которая либо восторженно приветствовала советскую власть, либо решила с ней смириться и сотрудничать. По возвращении из Москвы выдающийся югославский хорватский писатель и уверенный ленинист Мирослав Крлежа опубликовал «Поездку в Россию» (1926) — одно из глубочайших «возвращений из СССР», которое было запрещено в советской России. После того, как не успел эмигрировать, т. е. покинуть Владикавказ и уехать за границу, Михаил Булгаков переехал в Москву, на которую возлагал большие надежды и от которой много ждал в 1920-е гг. В это время Москва была для Булгакова неистощимым источником вдохновения, о чем свидетельствуют его фельетоны двадцатых годов («Столица в блокноте» (1922); «Сорок сороков» (1923); «Золотистый город» (1923)). Несмотря на совершенно противоположные политические взгляды Булгакова и Крлежи, у них обнаруживается поразительно много общего в плане тонких наблюдений за повседневной нэповской Москвой и в плане борьбы с советской цензурой. Данная статья является первой попыткой сопоставительного исследования московских впечатлений двух выдающихся славянских писателей XX в. Ключевые слова: *Булгаков, Крлежа, эпоха НЭПа, мифоконструкт.*

«Москва — котел, — в нем варят новую жизнь».

М. А. Булгаков, «Столица в блокноте», 1923.

Москва — новая идеологическая Мекка

В тоталитарной советской мифологии¹ Октябрьская революция играет совершенно исключительную роль. Она является краеугольным камнем, основополагающим мифоконструктом советской цивилизации. Е. М. Мелетинский в труде «Миф и двадцатый век» (1998) обращает внимание на тот факт, что любая мифология стремится превратить хаос в порядок. Он подчеркивает, что главная цель мифа — поддержание гармонии, т.е. поддержание и контроль социального и космического порядка. «В мифологии нет места для неупорядоченности, потому что в мифе превалирует пафос преодоления Хаоса в Космос, защиты космоса от сохранившихся сил Хаоса. Формирование Космоса в мифе совершается в некое “раннее” мифологическое время» — пишет Мелетинский², а события «раннего» времени он называет кирпичиками мироздания. Именно такую функцию кирпича мироздания, в котором сосредоточены основные события, происходящие в советской мифологии, выполняет Октябрь. Он совершает — словами Мелетинского — символическую космизацию дореволюционного Хаоса.

Необходимо заметить, что место и герой в мифологии выполняют особенно важную роль. Это объясняет важность и популярность, которую обрела Москва — новая советская столица — после Октября. Я. К. Берендс в статье «Строительство новой Москвы: меняющийся символ советской модерности» (2015) замечает важную перемену в символической и материальной ориентации Москвы после Октябрьской революции. Пока в дореволюционном государстве Москва «служила эмблемой героического национального прошлого, большевики поставили перед собой задачу изменить эту семантику. Москва — их столица — должна была стать местом демонстрации достижений нового режима, городом, обитатели которого в повседневной жизни смогут ощутить на себе светлое коммунистическое будущее, а также коммунистической Меккой для зарубежных пилигримов»³. После-

1 См.: *Топорков А. Л.* Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm>

2 *Мелетинский Е.* Миф и двадцатый век. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky1.htm> (дата обращения: 10.08.2020).

3 *Берендс Я. К.* Строительство новой Москвы: меняющийся символ советской модерности // НЛЮ. 2015. № 133. URL: <http://www.>

октябрьская Москва, иными словами, стремится в будущее. У нее собственный утопическо-революционный дискурс и поэтому Москва двадцатых годов стала идеологической Меккой левых европейских путешественников-интеллектуалов.

Путешествия в святой город будущего, которые начиная с двадцатых годов совершали выдающиеся европейские писатели и интеллектуалы (Беньямин, Рассел, Кестлер, Жид, Брехт, Фейхтвангер и пр.), стали темой многих исследовательских трудов. Их путешествия в СССР и Москву создали литературный и религиозно-профетический жанр, который Ж. Деррида предложил называть возвращениями из СССР: «Здесь имеется в виду богатый, но кратковременный, интенсивный и насыщенный тип литературы, которому я предлагаю дать название, избранное Андре Жидом для своей знаменитой книги 1936 года — Возвращение из СССР»⁴. Полное название жанра — это *Back from Moscow, in the USSR* (а в качестве эпиграфа к нему Деррида предлагает известную песню группы Beatles «Back in the USSR», которая переворачивает название книги Жиды): «Ничего подобного не было до Октябрьской революции, повод ему дала Революция, причем дала она его в географически и политически уникальном месте, на основе незаменимого геополитического события, взятого за образец; [это место] — Москва, Советский Союз»⁵.

М. К. Рыклин в книге «Коммунизм как религия. Интеллектуалы и Октябрьская революция» (2009) утверждает, что для многих западных левых интеллектуалов Москва связывалась с большими ожиданиями. В двадцатые годы Мирослав Крлежа, как и большинство левой интеллигенции, ехал в советскую Москву с большими надеждами. По возвращении из Москвы он опубликовал «Поездку в Россию» (1926) — одно из важнейших и глубочайших возвращений из СССР. Мировой пожар, о котором писал А. А. Блок в поэме «Двенадцать» (1918), захватил и Балканы. Первые известия об Октябрьской революции были восприняты югославскими трудящимися с восторгом. С восторгом ее приняли молодые революционные поэты Мирослав

intelros.ru/readroom/nlo/nlo133-2015/27532-stroitelstvo-novoy-moskvy-menyayuschisya-simvol-sovetskoy-modernosti.html (дата обращения: 10.08.2020).

⁴ Деррида Ж. Back from Moscow, in the USSR. URL: <https://litresp.com/chitat/ru/D/derrida-zhak/zhak-derrida-v-moskve-dekonstrukciya-puteshestviya/2> (дата обращения: 10.08.2020).

⁵ Там же.

Крлежа и Август Цесарец, которые в 1919 г. славили ее на страницах левого журнала Пламен (Plamen), где, как замечает С. А. Романенко, Крлежа старался преодолеть политическую традицию иллиризма. Г. Я. Ильина подчеркивает тот факт, что именно Цесарец и Крлежа стояли «у истоков революционной литературы Югославии»⁶. Это было первое в Югославии выступление левого фронта югославской культуры и искусства.

Москву как «пульсирующую точку современности»⁷ воспринимали не только европейские левые интеллектуалы, но и большая часть русской интеллигенции, которая либо восторженно приветствовала советскую власть, либо решила с ней смириться и сотрудничать, и поэтому не покидала пределы СССР. Не успевший эмигрировать в 1920 г., т.е. покинуть Владикавказ и уехать за границу после отступления Добровольческой армии из-за того, что был болен тифом, М. А. Булгаков возложил все свои надежды и ожидания в начале двадцатых на Москву, т.е. на новый котел: «в нем варят новую жизнь»⁸. В новом котле ему пришлось вариться до смерти, так и не получив разрешения эмигрировать из советской России. О том, как во время Гражданской войны служил военным врачом у белых во Владикавказе и в Грозном, он советовал своим родным не говорить — и сам молчал, когда приехал в Москву в 1921 г. М. О. Чудакова справедливо утверждает, что Булгаков как писатель рожден революцией. Однако в географическом (и не только!) смысле можно утверждать, что Булгаков как писатель рожден Москвой (в булгаковедении уже давно исследуется так называемый московский текст Булгакова).

В советской столице он, вопреки ужасающим экзистенциальным трудностям, быстро развивался как журналист-юморист, а потом и как сатирический прозаик и выдающийся драматург, которому советская критика никогда не могла простить кровную связь с интеллигенцией

6 *Ильина Г.* Романы Августа Цесарца // Август Цесарец. Императорское Королевство. Золотой юноша и его жертвы. URL: <https://mybrary.ru/books/proza/prose-history/162557-avgust-cesarec-imperatorskoe-korolevstvo-zolotoi.html> (дата обращения: 10.08.2020).

7 *Рыклин М.* Предисловие // Жак Деррида в Москве. URL: <https://litresp.com/chitat/ru/Д/derrida-zhak/zhak-derrida-v-moskve-dekonstrukciya-puteshestviya/2> (дата обращения: 10.08.2020).

8 *Булгаков М.* Столица в блокноте. 1922. URL: http://dugward.ru/library/bulgakov_m_a/bulgakov_stolica_v_bloknote.html (дата обращения: 10.08.2020).

(по его собственному признанию в «Письме правительству СССР» 1930 г.) и сочувствие к белым, т. е. «буржуазным» героям в своих произведениях. Москва является главным героем дневниковых записей Булгакова 1923–1925 гг., которые были опубликованы впервые в 1990 г. под названием «Под пятой: Мой дневник». Если в записках 1922 г. Москва ассоциируется с голодом, нехваткой квартир, недостатком крыши над головой, плохой одеждой и пропавшими людьми, то уже в 1923 г. Булгаков рисует более веселую картину столицы, создавая образ шумного и великого города (в противовес «провинциальному» Киеву). В разгаре НЭПа, Булгаков в 1924 г. обнаруживает и фиксирует ее противоречивую природу: «В центре Москвы, начиная с Лубянки, “Водоканал” сверлил почву для испытания метрополитена. Это жизнь. Но метрополитен не будет построен, потому что для него нет никаких денег. Это гангрена. Разрабатывают план уличного движения. Это жизнь. Но уличного движения нет, потому что не хватает трамваев, смехотворно — 8 автобусов на всю Москву. Квартиры, семьи, ученые, работа, комфорт и польза — все это в гангрене. Ничто не двигается с места. Все съела советская канцелярская, адова пасть»⁹.

М. А. Булгакова с бывшей Югославией сближали до сих пор малоизученные семейные обстоятельства. Из переписки, которую писатель вел со своим братом Николаем в течение 1920-х гг., известно, что тот некоторое время жил именно в Хорватии, точнее в Загребе (где прожил девять лет, в течение которых окончил Медицинский факультет Загребского университета и в 1929 г. получил специализацию по бактериофагам, под руководством хорватского ученого Владимира Сертича, а потом переехал в Париж). Интересно отметить и тот факт, что литературное наследие Булгакова стало известно хорватским читателям уже в 1969 г. (!), когда появился в хорватском переводе (В. Флакер, загребское издательство «Наприед») последний роман Булгакова «Мастер и Маргарита» через два года после того, как в сокращенном виде он был опубликован в журнале «Москва» (1966–1967). О важности булгаковского романа для югославских интеллектуалов и о его восприятии и экранизации я уже писала в статье «Как закалялся югославский Мастер» (2017), но здесь важно остановиться на высокой оценке, которую ему в конце 1960-х гг. дал крупнейший югославский писатель XX в. — Мирослав Крлежа, значение которого для югославской культурной и литературной жизни сравнимо только с Максимом Горьким: «Крлежа известен у себя на

⁹ Булгаков М., Булгакова Е. Дневник Мастера и Маргариты. М., 2004. С. 46.

родине и во многих европейских странах как выдающийся поэт, прозаик, драматург и публицист, чье влияние выходит далеко за рамки художественной литературы. Его роль в югославской культурно-литературной жизни похожа на роль, которую играл М. Горький в советской литературной жизни, поскольку Крлежа был редактором, критиком, памфлетистом — разоблачителем мифов, политических иллюзий и сословных предрассудков»¹⁰.

Крлежа очень высоко ценил творчество Булгакова, и об этом свидетельствует Предраг Матвеевич¹¹ в книге «Восточный эпистоляр» (1994): «В нем он узнал настоящего наследника славной русской прозы, а их было, по мнению Крлежи, очень мало. Он часто его вспоминал. В своем дневнике в 1968 г. написал: Именно Булгаков — воплощение русской литературы! Шляпы долой!»¹². Как писатель Булгаков начинал с фельетонов, работал корреспондентом многочисленных московских газет и журналов (но основную часть фельетонов опубликовал в газетах «Гудок» и «Накануне») в течение 1920-х гг. и мечтал о настоящей (художественной) литературе. Несмотря на то, что сегодня большое и значительное публицистическое наследие Булгакова хорошо исследовано, не существуют свидетельств о том, что Крлежа, побывавший в Москве в 1925 г., был знаком с фельетонистикой и ранней художественной прозой Булгакова. На основе того, что Крлежа увидел в Москве (в которую попал через Вену, Дрезден, Берлин и Ригу), он написал «лирические», но одновременно и политические (памфлетные) путевые заметки «Поездка в Россию» (1926). Несмотря на откровенную симпатию к русскому революционному эксперименту, ленинизму и к большевистской России, Крлеже не повезло с советской цензурой.

«Поездка в Россию» была переведена на русский язык (Н. М. Вагаповой) и напечатана в России лишь в 2005 г. (!), спустя семьдесят лет после того, как была написана (отдельные отрывки были изданы в журнале *Иностранная литература* в 1970 г.). Более того, в первоизданном виде, в каком была напечатана в Югославии в 1926 г., она никогда больше не переиздавалась (только в сокращенном и отре-

¹⁰ *Перушко И.* Как закалялся югославский Мастер // Михаил Булгаков и славянская культура. М., 2017. С. 259.

¹¹ Выдающийся хорватский и боснийский писатель и литературовед (преподаватель Сорбонны), автор путевых заметок о СССР 1970-х гг. «Восточный эпистоляр» (1994).

¹² *Matvejević P.* Istočni epistolar. Zagreb, 2013. S. 123.

дактированном виде). Неоднозначные рассуждения и политические взгляды Мирослава Крлежи заслуживают отдельного исследования, но в двадцатые годы Крлежа, в отличие от Булгакова, был ярким коммунистом (Международная рабочая партия провозгласила его одним из самых крупных революционных писателей своего времени!), не случайно попавшим в коммунистическую Мекку и желающим, как говорил Матвеевич, почувствовать лишь толику той великой утопии, которая творилась в России.

Однако когда Крлежа опубликовал свой первый в хорватской литературе модернистский роман «Возвращение Филипа Латиневича» (1932), его — как уточняет литературный критик В. Вискович — обвинили в буржуазном психологизме¹³. Матвеевич добавляет и то, что политические взгляды Крлежи времен, когда он впервые побывал в России, после резко меняются и уже к концу тридцатых годов можно обнаружить полный разрыв Крлежи с коммунистическим движением и отторжение от советского социализма, догматизма и соцреализма в искусстве. Крлежа диктовал дух эпохи в своих публицистических текстах, которые частично «повинны» в том, что соцреализм в хорватской прозе потерпел крах и что она перешла от соцреализма к модернизму. Несмотря на совершенно противоположные политические взгляды Булгакова и Крлежи в течение двадцатых годов, у них много общего на уровне тонких наблюдений о повседневной нэповской Москве и в плане борьбы со советской цензурой.

От Ленина до нэпмана

Е. А. Яблоков в книге «Художественный мир Михаила Булгакова» (2001) заметил, что «Булгаков — писатель по преимуществу городской»¹⁴ и поэтому образ города является важным в структуре почти всех его произведений. В. Я. Лакшин отмечает, что Булгакову «нравится живописать пеструю и шумную современность — трамваи, магазины, плакаты, крики разносчиков; он буквально купается в ярких бытовых подробностях, знает описываемое на вкус, на ощупь и на цвет, глядит во все глаза и запоминает такие оттенки слов, такие его изгибы и интонации, что мы попадаем в живой трехмерный и стереофонический мир»¹⁵. Это особенно ярко выражено в московских

13 *Visković V.* Sukob na ljevici. Zagreb, 2001.

14 *Яблоков Е.* Художественный мир Михаила Булгакова. М., 2001. С. 182.

15 *Лакшин В. Я.* Булгакиада. М., 1987. С. 4.

фельетонах первой половины 1920-х гг., среди которых своим художественным мастерством выделяются «Столица в блокноте» (1922), «Сорок сороков» (1923) и «Золотистый город» (1923). В отличие от фельетонной продукции, в вышеупомянутых фельетонах Булгаков выступает как фельетонист-летописец с ярко выраженным тонким художественным видением во всей его полноте. И поэтому нельзя не согласиться с Лакшиным, который назвал Булгакова певцом Москвы на перекрестке старого с новым.

В «Петербургских записках 1836 года» Н. В. Гоголь подчеркивает гендерную окрашенность, т. е. восприятие Москвы как «женского» города: «Москва женского рода, Петербург мужского»¹⁶. В. Топоров в «Петербурге и Петербургском тексте русской литературы» (1995) напоминает, что различия Москвы и Петербурга по полу присущи и художественной литературе, и фольклору, а в культуре сложилось такое противопоставление: «Петербург как цивилизованный, культурный, планомерно организованный, логично-правильный, гармоничный, европейский город противопоставлялся Москве как хаотичной, беспорядочной, противоречащей логике, полуазиатской деревне»¹⁷. Отождествление Москвы с женским полом в фольклорных текстах преобразовалось и в отождествление Москвы с матерью. Оттуда и следующее клише: Москва-матушка, Петербург-отец. Стереотип о Москве как матери воспринял и отразил Булгаков в конце фельетона «Сорок сороков», в котором оптимистическими красками рисует *genius loci* Москвы и динамику ее неуклонного развития в 1923 г. после разрухи и голода Гражданской войны: «И, сидя у себя в пятом этаже, в комнате, заваленной букинистическими книгами, я мечтаю, как летом взлезу на Воробьевы, туда, откуда глядел Наполеон, и посмотрю, как горят сорок сороков на семи холмах, как дышит, блестит Москва. Москва — мать»¹⁸.

Москва была для Булгакова неистощимым источником вдохновения, о чем свидетельствуют и его фельетоны, и художественное творчество, а одна из возможных причин этой «завороженности» заклю-

¹⁶ Гоголь Н. В. Петербургские записки 1836 года. URL: <http://gogol.velchel.ru/index.php?cnt=15&sub=2> (дата обращения: 10.08.2020).

¹⁷ Топоров В. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (введение в тему) // Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. М., 1995. С. 267–268.

¹⁸ Булгаков М. Сорок сороков. URL: http://dugward.ru/library/bulgakov_m_a/bulgakov_sorok_sorokov.html (дата обращения: 10.08.2020).

чается в том, что он был киевлянином, всегда мечтавшим о большом городе. Что касается материнского начала Москвы, оно было дореволюционным стереотипом, характерным для части русской классической литературы XIX в. (Гоголь, Толстой и пр.), которой вдохновлялся Булгаков. Однако революция принесла с собой совершенно новое понимание культуры, новую эстетику и перевернутый быт. Потеряла ли Москва тогда свое женское начало? Согласно Крлеже, да. В своих московских впечатлениях он его отрицает: «Согласно Толстому, всякий иностранец, глядя на нее и не зная ее материнского значения, должен чувствовать материнский характер этого города. Наполеон, и у Толстого, и по свидетельству всех историков, почувствовал женскую природу Москвы»¹⁹. Крлежа в ней увидел мужественный героизм: «С точки зрения сегодняшнего путешественника-марксиста, ничего женственного сегодня в Москве не осталось. Лозунги и знамена этого города отражают героический синтез современной активности и волюнтаризма»²⁰. Более того, у всего этого и конкретное имя: «Сегодняшняя Москва — огромная кузница ленинизма, она ленинизирована всеми возможными декоративными средствами. На вокзалах установлены памятники Ленину, и путешественник видит его, едва ступив на московскую землю, а затем наблюдает фигуру Ленина в бесчисленном множестве вариантов»²¹.

Советская мифология, как и любая политическая мифология, унаследовала многое от архаичных. У них много общего. Давайте возьмем пример мифологического объекта. Если мифологическим объектом в архаическом обществе были сверхъестественные существа, духи умерших предков (а потом Бог), Топорков выясняет, что в политической мифологии XX в. — это вожди, лидеры наций. Н. Г. Щербинина в труде «Героические мифоконструкты тоталитарной России» (2017) настаивает на том, что каждый политический миф современного общества есть «рассказ об изначальных вещах. Это рассказ о создании нового общества, о роли вождей его как демиургов, о битвах с несметными полчищами врагов, о подвиге героя-Спасителя и о запаправдашной стране Справедливости»²². Именно поэтому не удивляет, что Москва и В. И. Ленин являются основополагающими элементами советской

¹⁹ Крлежа М. Поездка в Россию. 1925: Путевые очерки. М., 2005. С. 181.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. С. 182.

²² Щербинина Н. Г. Героические мифоконструкты тоталитарной России. Томск, 2017. С. 66.

мифологической системы. У Крлежи они даже сливаются в одно целое. Для Крлежи Москва — это и есть Ленин: «Для иностранца, сегодня приехавшего в Москву, первое и самое необычное впечатление состоит в том, что вся динамика города, все движение масс несет на себе печать ирреального образа, который посмертно, символически является людям, как являлись им Христос и Мохаммед»²³.

Лояльный Ленину, Крлежа подробно описывает культ личности вождя пролетариата в постленинской Москве: «Ленинизм — это сегодняшний архимедов рычаг, достаточный для того, чтобы с его помощью приподнять весь земной шар вместе с древней, больной, декадентской Европой, вознести ее к высотам новой и более светлой культуры»²⁴. Но нельзя не заметить и тонкую иронию над происходящим, т.е. едва заметную насмешку над тенденцией вульгаризировать феномен Ленина, который из революционного деятеля превращается в товар, из идеи в продукт: «Ленина продают на углах в качестве запонок для манжет, булавок и брошек, какие носят прислуги; он — и на красной партийной звездочке в петлице рабочего халата, и на дешевой зубной пасте, и на рекламе изделий государственного металлургического треста, и в названии локомотива, и на новеньком, сверкающем красным лаком электрическом трамвае»²⁵. Интересно, что в очерке «Золотистый город» Булгакова 1923 г., посвященном открытию первой Всероссийской сельскохозяйственной выставки на территории сегодняшнего Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького, обнаруживается та же самая тенденция. Ведь в очерке, который состоит из тринадцати заметок, Булгаков иронизировал над становлением культа вождей (Троцкого и Ленина), но особенно ярко высмеивал проявление культа Ленина в форме гигантского цветника в заметке «Цветник-Ленин»: «К центру цветника непрерывное паломничество отдельных фигур. Там знаменитый на всю Москву цветочный портрет Ленина. Вертикально поставленный, чуть наклонный, двускатный щит, обложенный землей, и на одном скате с изумительной точностью выращен из разноцветных цветов и трав громадный Ленин, до пояса. На противоположном скате отрывок из его речи»²⁶.

23 *Крлежа М.* Поездка в Россию... С. 190.

24 Там же. С. 259.

25 Там же. С. 189.

26 *Булгаков М.* Золотистый город. URL: http://dugward.ru/library/bulgakov_m_a/bulgakov_zolotistiy_gorod.html (дата обращения: 10.08.2020).

В отличие от Крлежи, Булгаков описывает и отношение москвичей к культу-цветнику. Он иронически заканчивает свой очерк мотивом индустриализации и прогресса, выделяя двусмысленный мотив фантазерства: «И в заключительном слове председатель страстно говорит о фантазерах и утверждает, что народ, претворивший не одну уже фантазию в действительность в последние пять изумительных лет, не остановится перед последней фантазией о машине. И добьется. — А он не фантазер? И рукой невольно указывает туда, где в сумеречном цветнике на щите стоит огромный Ленин»²⁷. Крлежа в 1920-е годы искренне верил в ленинизм²⁸ и в Ленина (в книге «Поездка в Россию» ему посвящена целая глава «Несколько слов о Ленине»), Булгаков писал о Ленине неявно, осторожно, никогда не оценивая его роль и важность (большевиков он открыто критиковал в ранних кавказских фельетонах). То же самое он сделал в очерке-репортаже «Часы жизни и смерти» (1924), в котором описал прощание москвичей с телом мертвого вождя, избегая прямых суждений, подспудно развенчивая непогрешимость «любимого» вождя.

С другой стороны, Булгаков вполне открыто критиковал и высмеивал некоторые политические явления тогдашней Москвы. Одна из них НЭП: «Брось ты это чертово слово!»²⁹ Другая — нэпман. Непризнанным героем нэповских времен был мелкий и средний предприниматель, не имевший опоры во власти — нэпман, т.е. советский буржуй. Совбуржуй — детище Октября. Нэпманы были социальной группой «плебейского» происхождения, но совершенно новой группой — их никак нельзя считать продолжением старых дореволюционных купцов. Несмотря на то, что именно нэпман был важным экономическим винтиком страны, в народном сознании нэпач (как его называли реже) был фигурой отрицательной, сатирической, «временной», ненавидимой и презираемой. Американский журналист Морис Хиндус в своих воспоминаниях писал: «Они придумали новое слово — нэпман. Нэпман — символ вырождения, объект презрения и оскорбления! Пария, социальная свинья! Главный злодей на сцене, злодей в кинематографе, злодей в повседневной жизни! Нэпман — ярлык, ругательство, анафема!»³⁰

27 Там же.

28 Свою пьесу «Христофор Колумб» Крлежа посвятил именно Ленину.

29 *Булгаков М.* Сорок сороков. URL: http://dugward.ru/library/bulgakov_m_a/bulgakov_sorok_sorokov.html (дата обращения: 10.08.2020).

30 Цит. по: *Килин.* Традиционное общество и предпринимательские слои в России — конфликт идей. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/2725/1/pristr-01-23.pdf> (дата обращения: 10.08.2020).

Хотя его считали временным существом низшей породы, вредителем недостойным внимания и серьезного исследования, воспоминания Хиндуса показывают, что он был любимым героем советского искусства, особенно сатирического. Нэпман был объектом высмеивания на страницах иллюстрированных сатирических журналов (от «Крокодила» до «Бегемота»), героем народных шуточных стихов, предметом литературных и киноизображений. Этот карикатурный бизнесмен 1921 г. олицетворяет всю пестроту 1920-х гг., ее незаконченную природу и горизонтальную равномерность, которая для В. З. Паперного является существенным признаком Культуры ³¹. Именно нэпман становился презираемым героем многих булгаковских фельетонов и некоторых пьес («Зойкина квартира»). Особенно удачные карикатуры на нэпманов Булгаков создал в фельетоне «Сорок сороков», который состоит из четырех панорам, вторая и третья посвящены именно шумной жизни НЭПа. В народном сознании нэпман был внутренним классовым врагом. Это не могло не отразиться на его визуальном и литературном образе. Первый принцип окарикатуривания с целью унижения нэпмана как внутреннего противника народа либо зооморфизация, т. е. уподобление животным, либо демонизация, результатом чего стала потеря им человечности.

Поэтому не удивляет, что нэпманы у Булгакова — носители отрицательных ценностей. «Нэпманы уже ездили на извозчиках, хамили по всей Москве. Я со страхом глядел на их лики и испытывал дрожь при мысли, что они заполняют всю Москву, что у них в кармане золотые десятки, что они меня выбросят из моей комнаты, что они сильные, зубастые, злобные, с каменными сердцами»³². Нэпманы у Булгакова редко появлялись без женщин. Даже на советских иллюстрациях нэпман либо в компании женщины (легкого поведения), либо под руку с упитанной супругой в декольте: «Четыре накрашенных женских лица торчали среди нэпмановских голов, и стол был залит цветами. Белые, красные, голубые розы покрывали стол. На нем было только пять кусочков свободного места, и эти места были заняты бутылками»³³. Булгаков в фельетоне «Сорок сороков» делает косвенный намек на их вульгарность, подчеркивая телесное наслаждение и жадность как фундаментальный признак их природы:

31 Паперный В. Культура. М., 2016.

32 Булгаков М. Сорок сороков. URL: http://dugward.ru/library/bulgakov_m_a/bulgakov_sorok_sorokov.html (дата обращения: 10.08.2020).

33 Там же.

«— Бис! — кричал нэпман, потоптал ногами, левой рукой обнимал даму за талию, а правой покупал цветок. За неимением места в фужерах на столе, он воткнул его в даму, как раз в то место, где кончался корсаж и начиналось ее желтое тело. Дама хихикнула, дрогнула и ошпарила нэпмана таким взглядом, что он долго глядел мутно, словно сквозь пелену»³⁴.

И загребский путешественник Крлежа в начале своего путешествия в «Спальном вагоне Рига — Москва» представил стереотипический образ нэпмана, который полностью соответствует и булгаковскому описанию, и вообще карикатурному образу нэпмана из советской сатиры: «Своего будущего сотоварища по купе я заприметил еще в литовском консульстве, в Берлине. Крепкий, полный, невысокого роста мужчина в бобровой шубе, прибывший в наемном автомобиле без таксометра вместе с великолепной любовницей в дорогих мехах, — в приемной литовского консульства от него веяло самоуверенностью и богатством, которого он не собирался скрывать. На вокзал на Фридрихштрассе его провожала дама, укутанная в меха»³⁵. У нэпмана Крлежи те же самые отрицательные черты поведения (жадность, невоспитанность, грубость и пр.), на которые указывает Булгаков: «Входя в наше общее купе на рижском вокзале, он препирался с бородатым русским носильщиком, к которому обращался на ты, относительно платы, причем напирал на совесть. — Сколько тебе положено по тарифу? — Два лата, ваша милость! — А если по совести? — Да не надо мне по совести, господин! Мне положено два лата! — По совести, братец мой, по совести! Хватит с тебя пол-лата. Вот тебе! А теперь проваливай!»³⁶

Однако следует указать на гораздо более интересное сходство между творчеством Крлежи и Булгакова. Оно касается мимикрии. В фельетоне-рассказе «Московские сцены» (1923) Булгаков высмеивает мимикрию старых русских буржуев и рисует картину, в которой хозяин шестикомнатной квартиры старается защитить ее от уплотнения. Он маскирует роскошную квартиру под скромную коммунистическую коммуналку и развешивает в комнатах портреты вождей (Карла Маркса, Троцкого, Луначарского и Карла Либкнехта), чтобы тем самым высказать мнимое сочувствие новой власти, хотя он их ненавидит всей душой. Если Булгаков в сатирических тонах рас-

34 Там же.

35 *Крлежа М.* Поездка в Россию... С. 125.

36 Там же.

крывает мимирию московского буржуа-приспособленца, который продолжает жить в буржуазной квартире с прислугой, обманывая жилищные инспекции и притворяясь, что он коммунист в душе, то Крлежа заканчивает историю в «Спальном вагоне» (с подзаголовком Примеры социальной мимирии) мимикрией своего соседа. Только вместо аристократа и буржуа старого типа мимикрировать под большевика стал спекулянт, нэпман: «[...] когда он вошел в вагон в Риге, на нем уже не было бобровой шубы. Не было с ним и прежних первоклассных чемоданов. В купе он размещался подо мной, и я увидел в зеркале, что он укрылся плащом, предварительно перекрестившись на сон грядущий. Наутро он вышел в черной большевистской косоворотке и в сапогах. Он скупил все московские газеты и журналы, чтобы узнать, что нового дома, потому что, как он сказал, полгода не был на родине. — Вы себе представить не можете, как приятно чувствовать себя на родине! Как приятно видеть эти русские буквы, — говорил он, листая атеистический журнал Безбожник и смеясь над карикатурами на нэпманов и прочих, с точки зрения советского строя, паразитов»³⁷.

От голода до яств

У обоих славянских писателей первая встреча с коммунистической Меккой и городом будущего описана серыми и печальными «красками». Первая панорама фельетона «Сорок сороков» Булгакова посвящена именно въезду в Москву и недаром названа «Голые времена»: «Панорама первая была в густой тьме, потому что въехал я в Москву ночью. Это было в конце сентября 1921-го года. По гроб моей жизни не забуду ослепительного фонаря на Брянском вокзале и двух фонарей на Дорогомиловском мосту, указывающих путь в родную столицу [...] Итак, первая панорама: глыба мрака и три огня»³⁸. Югославский путешественник Крлежа начинает свои путевые заметки резкой критикой пустой, капиталистической, болезненной и порочной жизни в Берлине и в остальных северноевропейских городах. Даже физиономию Берлина изображает серой, холодной и нелепой. Но, несмотря на его открытую симпатию к ленинизму и к СССР, пространство, которое он восторженно называет шестым континентом — городской ландшафт Москвы — он рисует иначе. «От первого знакомства с Москвой у меня осталось грустное впечатление. Едва ступив

³⁷ Там же.

³⁸ Булгаков М. Сорок сороков. URL: http://dugward.ru/library/bulgakov_m_a/bulgakov_sorok_sorokov.html (дата обращения: 10.08.2020).

на московскую землю, буквально в ту же секунду, когда с перрона Виндавского вокзала я махнул рукой извозчику, я вдохнул воздух печали»³⁹, — пишет Крлежа, приехав в Москву.

Булгаков усиливает трагизм картины введением мотива голода, противопоставляя его парадигме революционного героизма, в рамках которой в русской литературе и искусстве того периода (от Маяковского до Эйзенштейна) складывался образ тогдашней жизни: «Теперь, когда все откормились жирами и фосфором, поэты начинают писать о том, что это были героические времена. Категорически заявляю, что я не герой. У меня нет этого в натуре. Я человек обыкновенный — рожденный ползать, — и, ползая по Москве, я чуть не умер с голоду»⁴⁰. И поэтому в конце панорамы он резюмирует: «Возможно, что это были героические времена, но это были голые времена»⁴¹. Мотив голода заполняет страницы его дневника «Под пятой» до 1923 г., когда в записях и в фельетонистике появляется оптимизм, а вместе с ним и гастрономия. Л. В. Карасев в статье «Масло на Патриарших...» (1999) уже заметил гастрономическую эмблематику в романе «Мастер и Маргарита», т. е. маслянистость булгаковского художественного мира, отмечая следующее: «Что касается гастрономии в целом, то у Булгакова вообще преобладают лакомства жирные, лоснящиеся, промасленные»⁴². В серии зарисовок «Столица в блокноте» (1923), в которых Булгаков вводит гастрономическую метафору котла (в котором варится новая жизнь) для обозначения нового образа жизни в Москве, он заявляет: «По мере того, как я наблюдаю московский калейдоскоп, во мне рождается предчувствие, что “всё образуется”, и мы можем пожить довольно славно»⁴³.

Наряду с оптимизмом, всякие гастрономические лакомства переполнили булгаковские фельетоны, и они были преимущественно связаны с нэпманами. Пищевой код неотделим от человеческой теле-

39 Крлежа М. Поездка в Россию... С. 138.

40 Булгаков М. Сорок сороков. URL: http://dugward.ru/library/bulgakov_m_a/bulgakov_sorok_sorokov.html (дата обращения: 10.08.2020).

41 Там же.

42 Карасев Л. Масло на Патриарших, или Что нового можно вычитать из знаменитого романа Булгакова // Ex libris Н.Г. М., 1999. 5 июля. С. 11.

43 Булгаков М. Столица в блокноте. URL: http://dugward.ru/library/bulgakov_m_a/bulgakov_stolica_v_bloknote.html (дата обращения: 10.08.2020).

ности, а в литературном и визуальном изображении нэпмана еда — неотъемлемая часть его бытия. Хорошим примером этого является фельетон «Сорок сороков» Булгакова. В третьей панораме фельетона нэпманы в шумной компании, за столом, заказывают или кушают еду. «Фрачные лакеи бежали с блестящими блюдами. Нэпманы влезли и на крышу. Под ногами были четыре приплюснутых головы с низкими лбами и мощными челюстями [...] Нэпман колебался не более минуты над карточкой и заказал. Лакей махнул салфеткой, всунулся в стеклянную дыру и четко бросил: — Восемь раз оливье, два лангет-пикана, два бифштекса»⁴⁴. У булгаковских нэпманов всегда чрезмерно большой живот. Это потому, что брюхо чаще всего — символ нэпской жадности, т.е. неумеренности в получении разных гастрономических и материальных наслаждений. Совершенно другой была функция гастрономии в фельетоне «Золотистый город», начинающемся с описания свиньи в главе «Пища богов». Булгаков не только остроумно объединяет политические темы (культ Ленина и Троцкого) с повседневными (народ), но и описывает сельскохозяйственную выставку в Москве как настоящий гастрономический праздник, начиная с алкогольных напитков и узбекских шашлыков и заканчивая пельменями, кондитерскими изделиями и золотистым пивом Моссельпрома.

Булгаков передал экзотический вкус и запах узбекского павильона, очаровавший москвичей: «Колеса-гиганты, гигантские шляпки гвоздей, гигантские оглобли. Арба. Потом по берегу, вдоль дороги, под деревьями навесы деревянные и низкие настилы, крытые восточными коврами. Манит сюда запах шашлыка москвичей, и белые московские барышни, ребята, мужчины в европейских пиджаках, поджав ноги в остроносых ботинках, с расплывшимися улыбками на лицах, сидят на пестрых толстых тканях. Пьют из каких-то безруких чашек. Стоят перетянутые в талию, тускло блестящие восточные сосуды [...] Пельмени ворчат у печей. Жаром веет. Хруст и говор. Едят маслящиеся пельмени, едят какой-то витой белый хлеб, волокут шашлык на тарелках»⁴⁵. Грандиозное пиршество на московской сельскохозяйственной выставке 1923 г., переданное мастерским пером Булгакова, было сразу замечено в берлинской редакции газеты Накануне и полу-

44 Булгаков М. Сорок сороков. URL: http://dugward.ru/library/bulgakov_m_a/bulgakov_sorok_sorokov.html (дата обращения: 10.08.2020).

45 Булгаков М. Золотистый город. URL: http://dugward.ru/library/bulgakov_m_a/bulgakov_zolotistiy_gorod.html (дата обращения: 10.08.2020).

чило большой успех, а один из возможных ответов на вопрос почему в нем так много гастрономии дал Э. Л. Миндлин в книге «Необыкновенные собеседники. Книга воспоминаний» (1968): «Много внимания автор сосредоточил на павильонах — узбекском, грузинском — и на всевозможных соблазнительных национальных напитках и блюдах в открытых на выставке чайхане, духане, шашлычной, винном погребеке и закусочных под флагами советских среднеазиатских и закавказских республик. Никто не сомневался в успехе булгаковского очерка в Берлине. И даже то, что особенно много места в этом очерке уделено аппетитному описанию восточных блюд и напитков, признано было очень уместным и своевременным. Ведь эмигрантская печать злорадно писала о голоде в наших национальных республиках!»⁴⁶

Невозможно не отметить очередное интересное совпадение булгаковского видения с видением Крлежи. Несмотря на двусмысленность Крлежи в описании политических обстоятельств после Октябрьской революции, его московские впечатления в целом положительные, и не только в политическом смысле, но и в гастрономическом. Весной Москва Крлежи становится красивее; именно весной он рисует пестроту всевозможных русских блюд на шумных московских улицах: «Центр Москвы представляет собой скопище хлеба, крымских фруктов, студня, икры, сыра, халвы, апельсинов, шоколада и рыбы. Бочонки сала, масла, икры, упитанные осетры в метр длиной, ободранная красная рыба, соленая рыба, запах юфти, масла, солонины, кож, специй, бисквитов, водки — вот центр Москвы. Итак: дымятся самовары, благоухают горячие, жирные, гоголевские пироги; мешки с мукой и бочки с маслом, здоровенные рыбины и мясной фарш, супы овощные, щи с капустой, с луком, с говядиной, с яйцом — и нищие, которые клячат бога ради. Слепые, хромые, в меховых тулупах или красных шерстяных кофтах — днем и ночью натыкаешься на них на мостовых и тротуарах»⁴⁷.

Таким образом, Москва Крлежи становится гастрономической ленинизированной Меккой. Крлежа представляет московскую и провинциальную русскую жизнь 1925 г. как изобилие еды, рисуя гиперболизированную картину, в которой все разговаривают с набитым ртом: «Вагоны и улицы заплеваны тыквенными семечками, а большинство людей,

⁴⁶ Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. Книга воспоминаний. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=235927&p=1> (дата обращения: 10.08.2020).

⁴⁷ Крлежа М. Поездка в Россию... С. 16.

с которыми вам приходится общаться, что-то жуют, пытаюсь разговаривать с набитым ртом. В учреждениях заваривают чай, едят горячие пирожки с мясом; чиновники, разговаривая с клиентом и оформляя документы, вечно чем-то шуршат в своих ящиках поверх бумаг или грызут яблоки»⁴⁸. На гастрономические впечатления Крлежи указала и Н. Б. Лебина в книге «Советская повседневность. Нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю» (2015), отмечая точные наблюдения Крлежи о местах, где за «небольшую цену предлагали обеды из трех блюд с неким выбором»⁴⁹. Однако Крлежа не отрицает существования бедных и бед в Москве, но в его впечатлениях горести советской столицы переданы более мягко, нежели невзгоды западного мира. Отличным примером является пища нищих — икра: «В Москве мне случалось видеть нищих, которые держат в руке бутерброд, намазанный слоем икры толщиной в палец. Не выпуская изо рта папиросы и не переставая жевать, они тянут извечный православный, русский, он же цыганский, припев: Подайте, люди добрые!»⁵⁰. Хорватский русист Александр Флакер подчеркивал важное обстоятельство для понимания текста Крлежи⁵¹. Одна из важнейших причин, толкнувших хорватского писателя к путешествию в Москву — это желание опровергнуть ложные утверждения европейской и хорватской печати: «Я всегда был противником фейерверков и бенгальских огней, но если вы сегодня путешествуете по России и если у вас, как у гоголевских героев, мясной фарш стоит в горле, то вы не сможете согласиться с утверждениями европейской печати о том, что Россия умирает от голода»⁵². Поэтому уже во введении он открывает причину своего путешествия и резюмирует увиденное им в России: «У нас изо дня в день печатают лживые и тенденциозные сообщения о положении дел в России, и я, уже несколько лет свободно и независимо отстаивающий логику русской концепции, опровергая измышления всевозможных писак и явно ангажированных незрелых умов, не вижу необходимости отступать от истины. В России не текут молочные реки в медовых берегах. Там хватает и горя, и бедности, как во всем мире, но кто работает, тот и ест»⁵³.

48 Там же.

49 *Лебина Н.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2016. С. 32.

50 Там же. С. 363.

51 *Flaker A.* Nomadi ljepote. Intermedijalne studije. Zagreb, 1988.

52 Ibid.

53 Там же. С. 21.

Сложно с вами, товарищи Булгаков и Крлежа!

В роковом 1925 г., когда Крлежа приезжает в Москву, начинается мучительная борьба Булгакова с беспощадной советской цензурой из-за сатирической повести «Собачье сердце» (нап. 1925 г., опубли. 1987 г.) — Политбюро в ней увидело острый памфлет на советскую современность⁵⁴. Благодаря первой волне советских булгаковедов⁵⁵ (во главе с Чудаковой) сегодня мы знаем практически все о неоднозначном отношении Сталина к Булгакову и об уничтожении Булгакова советскими цензорами, которые снимали все его пьесы с репертуара и запрещали печатать практически все драматические и прозаические произведения после 1929 г.

Что касается Крлежи, Романенко точно заметил, что Крлежа многое «не мог опубликовать ни в Советской России, ни о Советской России»⁵⁶. Некоторые произведения Крлежи опубликованы в Советском Союзе (далеко не все!) уже после выступления Н. Хрущева, но «Поездка» так и не была опубликована несмотря на то, что, по словам Романенко, она проникнута тонким ощущением русской культуры и стремлением понять русскую историю. Что интересовало великого хорватского писателя в Москве? Крлежа пишет: «Гораздо больше статистических данных меня в этой поездке интересовали люди, человеческие отношения, настроения, поступки, их освещение, их масштабы, общий климат»⁵⁷. *Сомнительное* [курсив мой. — И. П.] произведение великого югославского писателя получило большую популярность в Югославии, но в сокращенном и цензурированном виде.

Почему воспоминания Крлежи о героической кузнице ленинизма и гастрономическом изобилии нэповской Москвы были запрещены для публикации в Советском Союзе? Переводчица Наталья Вагапова в предисловии публикации «Поездки в Россию» в журнале «Иностранная литература» в 2004 г. это объясняет следующим образом: «Ответ на этот вопрос дал в свое время А. А. Сурков, принимавший Мировлава Крлежу от имени Союза писателей СССР во время его второй поездки в нашу страну, которая смогла состояться лишь в 1965 году.

54 Рукопись самой повести была изъята в 1926 году, тетрадь дневниковых записей «Под пятой».

55 Я. Лурье, В. Лакшин, А. Смелянский и др.

56 Романенко С. Сложно с вами, товарищ Крлежа! (История легального диссидента) // Поездка в Россию. М., 2005. С. 383.

57 Крлежа М. Поездка в Россию... С. 20.

По словам самого Крлежи, в ответ на вопрос о том, почему некоторые его произведения, в том числе и Поездка в Россию, не публикуются в СССР, Сурков сказал одну-единственную фразу: «Сложно с вами, товарищ Крлежа»⁵⁸. Советскому правительству было сложно, по-видимому, и с Булгаковым, и с Крлежей.

Источники и литература

Берендс Я. К. Строительство новой Москвы: меняющийся символ советской модерности // НЛО. 2015. № 133. [Электронный ресурс]: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/nlo133-2015/27532-stroitelstvo-novoy-moskvy-menyayuschisya-simvol-sovetskoj-modernosti.html> (дата обращения: 10.08.2020).

Булгаков М. Золотистый город. URL: http://dugward.ru/library/bulgakov_m_a/bulgakov_zolotistiy_gorod.html (дата обращения: 10.08.2020).

Булгаков М. Сорок сороков. URL: http://dugward.ru/library/bulgakov_m_a/bulgakov_sorok_sorokov.html (дата обращения: 10.08.2020).

Булгаков М. Столица в блокноте. URL: http://dugward.ru/library/bulgakov_m_a/bulgakov_stolica_v_bloknote.html (дата обращения: 10.08.2020).

Булгаков М., Булгакова Е. Дневник Мастера и Маргариты. М.: Вагриус, 2004. 562 с.

Ваганова Н. От переводчика. Поездка в Россию // Иностранная литература 2004. № 8. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2004/8/poezdka-v-rossiyu.html> (дата обращения: 10.08.2020).

Гоголь Н. В. Петербургские записки 1836 года. URL: <http://gogol.velchel.ru/index.php?cnt=15&sub=2> (дата обращения: 10.08.2020).

Деррида Ж. Back from Moscow, in the USSR. URL: <https://litresp.com/chitat/ru/Д/derrida-zhak/zhak-derrida-v-moskve-dekonstrukciya-puteshestviya/2> (дата обращения: 10.08.2020).

Ильина Г. Романы Августа Цесарца // Август Цесарец. Императорское Королевство. Золотой юноша и его жертвы. URL: <https://mybrary.ru/books/proza/prose-history/162557-avgust-cesarec-imperatorskoe-korolevstvo-zolotoi.html> (дата обращения: 10.08.2020).

⁵⁸ *Ваганова Н.* От переводчика // Поездка в Россию. Иностранная литература. 2004. № 8. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2004/8/poezdka-v-rossiyu.html> (дата обращения: 10.08.2020).

Карасев Л. Масло на Патриарших, или Что нового можно вычитать из знаменитого романа Булгакова // *Ex libris* Н.Г. М., 1999. 5 июля. С. 11.

Килин А. П. Традиционное общество и предпринимательские слои в России — конфликт идей. URL: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/2725/1/pristr-01-23.pdf> (дата обращения: 10.08.2020).

Крлежа М. Поездка в Россию. 1925: Путевые очерки. М.: Гелеос, 2005. 416 с.

Лакшин В. Я. Булгакиада. М.: Правда, 1987. 48 с.

Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 488 с.

Мелетинский Е. Миф и двадцатый век. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky1.htm> (дата обращения: 10.08.2020).

Миндлин Э. Необыкновенные собеседники. Книга воспоминаний. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=235927&p=1> (дата обращения: 10.08.2020).

Паперный В. Культура. М.: Новое литературное обозрение, 2016. 416 с.

Перушко И. Как закалялся югославский Мастер // Михаил Булгаков и славянская культура. М.: Совпадение, 2017. С. 255–266.

Рыклин М. Предисловие // Жак Деррида в Москве. URL: <https://litresp.com/chitat/ru/Д/derrida-zhak/zhak-derrida-v-moskve-dekonstrukciya-puteshestviya/2> (дата обращения: 10.08.2020).

Топорков А. Л. Мифы и мифология XX века: традиция и современное восприятие. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm> (дата обращения: 10.08.2020).

Топоров В. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (введение в тему) // Миф. Ритуал. Символ. Образ: исследования в области мифопоэтического. М.: Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1995. С. 267–268.

Щербинина Н. Г. Героические мифоконструкты тоталитарной России. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. 124 с.

Яблоков Е. Художественный мир Михаила Булгакова. М.: Языки славянской культуры, 2001. 424 с.

Flaker A. Nomadi ljepote. Intermedijalne studije. Zagreb: Grafički zavod Hrvatske, 1988. 278 s.

Matvejević P. Istočni epistolar. Zagreb: V.B.Z., 2013. 167 s.

Visković V. Sukob na ljevici. Zagreb: Konzor, 2001. 157 s.

References

Berends, Ai. K. “Stroitel'stvo novoï Moskvy: meniaiushchiisia simvol sovetskoï modernosti”. *NLO*, no. 133, 2015, URL: <http://www.intelros.ru/readroom/nlo/nlo133-2015/27532-stroitelstvo-novoy-moskvy-menyayuschisya-simvol-sovetskoy-modernosti.html> (accessed: 10.08.2020).

Bulgakov, M. *Sorok sorokov*. URL: http://dugward.ru/library/bulgakov_m_a/bulgakov_sorok_sorokov.html (accessed: 10.08.2020).

Bulgakov, M. *Stolitsa v bloknote*. URL: http://dugward.ru/library/bulgakov_m_a/bulgakov_stolica_v_bloknote.html (accessed: 10.08.2020).

Bulgakov, M. *Zolotistyĭ gorod*. URL: http://dugward.ru/library/bulgakov_m_a/bulgakov_zolotistiy_gorod.html (accessed: 10.08.2020).

Bulgakov, M., Bulgakova, E. *Dnevnik Mastera i Margarity*. Moscow: Vagrius, 2004, 562 p.

Derrida Zh. *Back from Moscow, in the USSR* URL: <https://litresp.com/chitat/ru/Д/derrida-zhak/zhak-derrida-v-moskve-dekonstrukciya-puteshestviya/2> (accessed: 10.08.2020).

Flaker, A. *Nomadi ljepote. Intermedijalne studije*. Zagreb: Grafički zavod Hrvatske, 1988, 278 s.

Gogol', N. V. *Peterburskie zapiski 1836 goda*. URL: <http://gogol.velchel.ru/index.php?cnt=15&sub=2> (accessed: 10.08.2020).

Iablokov, E. *Xudozhestvennyĭ mir Mikhaila Bulgakova*. Moscow: Iazyki slavianskoĭ kul'tury, 2001, 424 p.

Il'ina, G. “Romany Avgusta Tsesartsa”. *Avgust Tsesarets. Imperatorskoe Korolevsvo. Zolotoĭ iunosha i ego zhertvy*. URL: <https://mybrary.ru/books/proza/prose-history/162557-avgust-cesarec-imperatorskoe-korolevstvo-zolotoi.html> (accessed: 10.08.2020).

Karasev, L. “Maslo na Patriarshikh, ili Chto novogo možhno vychitat' iz znamenitogo romana Bulgakova”. *Ex libris N.G.* Moskow, 1999, 5 iulia, p. 11.

Kilin, A. Tradiotsionnoe obshchestvo i predprinimatel'skie sloi v Rossii — konflikt ideĭ. [Ėlektronnyĭ resurs]: <http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/2725/1/pristr-01-23.pdf> (accessed: 10.08.2020).

Krlezha, M. *Poezdka v Rossiiu. 1925: Putevye ocherki*. Moscow: Geleos, 2005, 416 p.

Lakshin, V. *Bulgakiada*. Moscow: Pravda, 1987, 48 p.

Lebina, N. *Sovetskaia povsednevnost': normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bol'shomu stiliiu*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, 488 p.

Matvejević, P. *Istočni epistolar*. Zagreb: V.B.Z., 2013, 167 s.

Meletinskii, E. *Mif i dvadtsatyĭ vek* URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/meletinsky1.htm> (accessed: 10.08.2020).

Mindlin, È. *Neobyknovennye sobesedniki. Kniga vospominaniï*. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=235927&p=1> (accessed: 10.08.2020).

Papernyi, V. *Kul'tura*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2016, 416 p.

Perushko, I. «Kak zakalialisia iugoslavskii Master». *Mikhail Bulgakov i slavianskaia kul'tura*. Moscow: Sovpadenie, 2017, p. 255–266.

Ryklin, M. “Predislovie”. *Zhak Derrida v Moskve*. URL: <https://litresp.com/chitat/ru/D/derrida-zhak/zhak-derrida-v-moskve-dekonstrukciya-puteshestviya/2> (accessed: 10.08.2020).

Shcherbinina, N. G. *Geroicheskie mifokonstrukty totalitarnoi Rossii*. Tomsk: Izdatel'skii Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2017, 124 p.

Toporkov, A. L. *Mify i mifologiiia XX veka: traditsiia i sovremennoe vospriiatie*. URL: <https://www.ruthenia.ru/folklore/toporkov1.htm> (accessed: 10.08.2020).

Toporov, V. “Peterburg i «Peterburgskii tekst rusскоi literatury” (vvedenie v temu)». *Mif. Ritual. Simvol. Obraz: issledovaniia v oblasti mifopoëticheskogo*. Moscow: Izdatel'skaia gruppa “Progress” — “Kul'tura”, 1995, p. 267–268.

Vagapova, N. “Ot perevodchika. Poezdka v Rossiiu”. *Inostrannaia literature, № 8*, 2004. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/2004/8/poezdka-v-rossiyu.html> (accessed: 10.08.2020).

Visković, V. *Sukob na ljevici*. Zagreb: Konzor, 2001, 157 s.

Ivana Peruško
(Zagreb, Croatia)

From Lenin to the NEPmen, from famine to gluttony:
Moscow during the NEP through the eyes of Bulgakov and Krleža

In this article, the October Revolution is considered as the fundamental mythological construct of Soviet (totalitarian) mythology, which, according to E. Meletinsky, was supposed to accomplish a symbolic cosmization of the pre-revolutionary Chaos. The post-October Moscow played a leading role in this process. The theoretical basis of the article are the works of E. Meletinsky, J. Derrida and M. Ryklin dedicated to Soviet Moscow. M. Ryklin in the book “Communism as Religion. Intellectuals and the October Revolution” (2009) argues that for many European left-wing intellectuals, post-October Moscow has become the “new Jerusalem”. Moscow as a new Mecca was perceived not only by European left intellectuals, but also by most of the Russian intelligentsia, which either enthusiastically welcomed the Soviet regime or decided to reconcile with it and cooperate. Upon his return from Moscow, the eminent Yugoslav Croatian writer and confident Leninist Miroslav Krleža

published “A Trip to Russia” (1926), one of the deepest “returns from the USSR” that was banned in Soviet Russia. Mikhail Bulgakov, after his fail to emigrate, i.e. to leave Vladikavkaz and go abroad, moved to Moscow, on which he pinned great hopes and from which he expected a lot in the 1920s. At this time, Moscow was an inexhaustible source of inspiration for Bulgakov, as evidenced by his feuilletons of the twenties in “Nakanune” (“Capital in a notebook”, 1922; “Sorok sorokov”, 1923; “The golden city”, 1923). Despite the completely opposite political views of Bulgakov and Krleža, they have strikingly much in common in terms of subtle observations of everyday Moscow during the NEP and in terms of the fight against Soviet censorship. This article is the first attempt at a comparative study of the Moscow impressions of two prominent Slavic writers of the 20th century.

Keywords: *Bulgakov, Krleža, NEP, mythoconstruct.*